
СМЫСЛОВАЯ ИНТЕГРАТИВНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ И МЫСЛИ-СКРЕПЫ КАК ЕЕ МЕДИАТОРЫ

Часть I

М.Ю. Чернышов

Президиум Иркутского научного центра СО РАН
ул. Лермонтова, 134, Иркутск, Россия, 664033

Обсуждаются подходы к исследованию смысловой интегративности речи. Постулирован ранее неизвестный медиатор смысловой интегративности мысли, квалифицированный как *вербально выраженная мысль-скреп*. Он обеспечивает интеграцию смысла текста на сублогическом уровне, о котором писал Ю.С. Степанов.

Ключевые слова: мысль-скреп, смысловая интегративность речи, мышление, речь, медиаторы.

1. Введение

Не секрет, что проблема смысловой интегративности (т.е. связности и цельности) речи — основная, сложнейшая проблема современной лингвистики. Исключительную значимость ей придает то обстоятельство, что познание тайн смысловой организации речи — путь к познанию организации мышления человека.

Основы представлений о формах смысловой организации речи были заложены в работах выдающихся логиков А. Мейнонга (1903), К. Льюиса (1912), Б. Рассела (1918), Дж. МакКинси (1930, 1948), У. Куайна (1940—74), чьи исследования были связаны с попытками построения основ практического логико-семантического анализа высказываний. Но позднее, когда за дело взялись лингвисты, исследования ограничились интуитивно-логическим аспектом предполагаемых отношений между вербальными «средствами связности», под которыми понимали, в лучшем случае, кореференцию индексалов и иных повторяющихся знаков текста.

За последние тридцать лет исследований проблемы «смысловой связности» были предприняты попытки исследования: 1) вопроса о связи смыслов в высказывании (Н.Д. Арутюнова (1976); Е.П. Брызгунова (1979) [4]; К. Кожевникова (1979); С.А. Васильев (1988) и др.); 2) понимания как интерпретирующей деятельности (И.В. Арнольд (1974); В.З. Демьянков (1983); Г.И. Богин (1989) (схема действий читающего); 3) организации текста в коммуникативном аспекте (Е.П. Брызгунова (1979) [4], З.И. Хованская (1980) [14], Н.А. Комина (1983) [8], В.И. Юганов (1983), Е.А. Реферовская (1983) [12], Р.С. Газарх (1987) [5] и др.). В.Н. Акентьева [1] описала выделения смысловых вех (СВ) в тексте (1986) (о таком виде смысловых опор писал еще А.Н. Соколов; у Г.В. Бондаренко (1976) и в позднейших работах СВ истолкована упрощенно, не как единица смысла, а как лексическая единица; так интерпретировано, напр., «тематическое» наречие *alone* в [9. С. 32]) как способ целенаправленного управления процессом осмысленного чтения в целях эффективного его восприятия и понимания). Прделана большая работа, но ключевая идея 1960—1990 гг. — декомпозиция текста на части различного размера — не обеспечила даже надежное вычленение *смысловых сегментов* текста, которые не обязаны совпадать с вербальными сегментами. Ни интуитивная декомпозиция текста, ни интерпретация схемы действий читающего не позволили понять даже принципы взаимосвязи смысловых сегментов текста в единое целое.

О непростых задачах, стоявших перед теоретической семантикой на начало XXI столетия, можно прочесть в работах Ю.Д. Апресяна (1999), И.В. Арнольд (1999) и Ю.А. Ладыгина (2000). Их выводы о состоянии исследованности проблемы смысловой организации текста на конец 1990-х гг. совпали с теми, которые еще в начале 1970-х гг. сделали Т.А. ван Дейк (1972), Дж. Ихве (1972), Х. Ризер (1972), Дж. Петефи (1973): (1) нет перспективных идей, нет движения вперед; (2) набор методов исследования смысла и смысловой интегративности текста представляется неразвитым, т.к. они построены на основе нечетких понятий (*семантическая напряженность текста, пересечение «миров» текста и читателя, текстема, бихевиорема, логема и т.п.*); (3) отсутствие образования лингвистов в области логики чревато нечеткостью в построении выводов.

Еще У. Куайн (1950) подчеркивал, что исследование должно предполагать не просто применение той или иной конкретной интуитивной лингвистической концепции, а *анализ как абстрагирование предмета исследования в логико-семантическом аспекте*, исключающем зависимость вывода от интуиции и субъективных мнений. Не случайно в перечень условий интегративности попал такой аспект, как наличие у текста *логической макроструктуры*, без которой он едва ли может быть осмысленным (И.П. Севбо (1969), Т. Dijk (1972)). Четкого мнения о роли логики придерживается сегодня лишь академик Ю.С. Степанов, полагающий, что продуктивный смысловой анализ текста следует строить на сублогическом уровне (1991) [13].

Итак, самым слабым местом в исследованиях проблемы смысловой интегративности оставались отсутствие перспективных идей, неразвитость методологии исследований и несовершенство лингвистических методов, связанное с их полным интуитивизмом (субъективизмом) из-за отсутствия основы в виде логически строгой многоаспектной лингвистической теории.

Нами двигало стремление разобраться в комплексе методологических проблем, связанных со смысловой организацией речи.

2. На пути к секретам смысловой интегративности мышления и речи

Необходимо с самого начала указать на 6 методологических проблем, препятствовавших движению лингвистики вперед в решении проблемы смысловой интегративности.

1. Даже сегодня многие лингвисты, не подумав, спешат согласиться с утверждением Уоллеса Чейфа о том, что «естественный язык (ЕЯ) до сих пор остается лучшим окном в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его... и, хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать знание» [16. Р. 109].

Что ж, лингвистов можно понять: в вузе их приучают к мысли о том, что их задача — исследовать ЕЯ. Но как же тогда быть с реальным множеством языков? Как быть с языками слепых, глухонемых, с языками примитивного сигнализма, жестов и мимики, с языками музыки и танцев, с языками физики, химии, биологии, логики, математики, программирования и т.д.? Как быть с языками рисунков, таблиц, графиков, диаграмм, с языками формул?

2. На протяжении XX в. все лингвистические исследования смысловой интегративности речи строились на представлении о ЕЯ как «средстве мышления»

и были сосредоточены на анализе вербальных форм. А ведь это — глубоко ошибочное представление, ведь человек мыслит образами и ассоциациями.

Причина этой ошибки заключается в игнорировании требования междисциплинарности в подготовке научных кадров и в исследованиях. Казалось бы, давно известно, что достоверное лингво-семантическое исследование требует привлечения аппарата логики, теории информации, данных психологии и даже, если необходимо, методов и средств искусственного интеллекта. Однако практически в ста процентах лингвистических исследований принцип междисциплинарности игнорировался. Можно ли было в таком случае рассчитывать на успех?

3. Третья методологическая проблема связана с формализмом в подготовке научных кадров. Проблема складывалась из двух частей: (а) тренд подготовки будущего специалиста, не предполагающий практическую работу: «со студенческой скамьи — в аспирантуру, затем сразу — в докторантуру» (и этих счастливчиков необоснованно считали лучшими); (б) ошибочное представление о том, что специалистом можно стать в процессе многолетнего преподавания в вузе и формального участия в условных исследовательских программах. Можно назвать не более десятка лингвистов, которые за последние полвека участвовали в серьезных научных исследованиях НИИ, связанных с разработкой программных систем, лингвистических процессоров или программ машинного перевода.

4. Четвертой проблемой было и остается откровенное уклонение большинства лингвистов от подлинных лингвистических исследований. Анализ диссертационных работ лингвистов за последние 30 лет показал, что лишь двадцатая часть из них имеет отношение к лингвистике, т.е. касается проблем фонетики, морфологии, грамматики, синтаксиса и семантики. Остальные работы построены как литературоведческие, условно когнитивистские (где представление о когнитивном ограничено концептами) или излагают весьма условные идеи из области психолингвистики.

5. На протяжении минувшего полувека основополагающими концепциями, предполагавшими объяснить связность текста, были (1) концепция «выявления повторов как вербальных признаков когезии» (лексические, индексальные или фразовые анафорические повторы; парентезы, артиклизация текста и т.п.), которые объявляли «средствами связности», и (2) концепция выявления вербальных признаков анафоры как признаков якобы кореференциальной связности (*когеренции*). Все известные подходы к исследованию смысловой связности предполагали выявление вербально выраженных признаков связности и их анализ с помощью весьма условных приемов лексического, фразеологического, синтаксического и стилистического анализа небольших речевых конструкций. Однако с самого начала таких исследований всем лингвистам было абсолютно ясно, что эти подходы и «средства» не позволяют анализировать смысловую связность текста и не могут обеспечить понимание смысла даже сегмента текста.

6. Еще в 1980-е гг. ни для кого не было секретом, что смысловая интегративность текста сложнее, чем то, что описывали в статьях и монографиях.

Рассуждая о синтезе смысла текста и подтверждая вывод А.А. Потебни, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, И.Р. Гальперин, А.А. Стриженко, Е. Косериу, Т.П. Иванова неоднократно подчеркивали, что операция синтеза смысла не сво-

дится к простому суммированию элементарных смыслов (ЭС), смысл целого текста — качественно новое образование, складывающееся при *неаддитивном сочетании* ЭС сегментов. Но вот проблема: если такое сочетание является неаддитивным, то для модельной интерпретации смысловой структуры текста не годятся ни «горизонтальные», ни «вертикальные», ни «иерархические», ни «пирамидальные», ни иные умозрительные структурные модели связности, принятые сообществом лингвистов и... предполагающие аддитивность.

Кроме того, многим лингвистам было ясно и то, что связность текста не может быть ограничена лишь *структурно-смысловым* и условно понимаемым *содержательно-смысловым* аспектами. Как показала И.Г. Торсуева (1986), только в текстовом контексте отдельные сегменты и высказывания приобретают не отвлеченные, а актуальные ЭС. Например, за счет включения в событийный контекст *текст и его высказывания приобретают отношение к предметной, пространственно-временной и социо-историко-культурной действительности*, представляемой говорящим в конкретных условиях общения. Не случайно важнейшим в логико-смысловой интегративности текста был признан *коммуникативно-прагматический аспект*. Мысль о важности его учета высказывалась с конца 1970-х гг. в статьях Е.П. Брызгуновой (1979) [4], З.И. Хованской (1980) [14], Н.А. Коминой (1983) [8], В.И. Юганова (1983), описавшего единицы коммуникативно-информационного членения текста, в монографии Е.А. Реферовской (1983) [12], в диссертации Р.С. Газарх (1987) [5] и в ряде других работ. Вопрос о текстообразующей роли коммуникативной интенции рассмотрен в трудах Н.А. Коминой (1983) и И.А. Мельчука (1995), аспекты коммуникативной композиции текста — в работах Р.С. Газарх (1987), Т.П. Ивановой (1991), И.Е. Ивановой (2000), О.И. Москальской (1981), Г.А. Золотова, Н.К. Осипенко, М.Ю. Сидорова. Группа авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» пришла к закономерному выводу о том, что смысловая интеграция текста может осуществляться только на экстралингвистическом уровне, при этом «более трудным, но и более результативным оказывается не столько описание техники связей между предложениями, сколько поиск путей к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры» [6. С. 21].

В перечень условий связности (и понимания) текста вновь попали такие аспекты, как знание адресатом языка общения, предыдущей и текущей контекстной ситуации, знаний о мире. Выводы многих специалистов указывали: *смысловая связность текста зависит от факторов логико-семантического, логико-структурного, прагматико-коммуникативного, когнитивного характера*. С учетом этих факторов в том или ином случае даже заведомо связный текст может показаться адресату понятным или нет, истинным или ложным, глубоким или поверхностным, связным или совершенно бессвязным. Более того, стоит только автору текста изменить, заменить или иначе расставить акценты в изложении — и текст произведет иное впечатление на адресата. И все же, по мнению Г.А. Золотовой, осталось неясным главное: в чем должны заключаться результативный «поиск путей к смыслу» и смысловой анализ речи [6].

Продуктивный анализ смысловой интегративности требовал того, на что прежде не отваживались лингвисты: а) признания того, что решение этой задачи требует перехода к сублингвистическому (по Ю.С. Степанову) логико-семантиче-

скому анализу и перехода в этих целях к междисциплинарному исследованию проблемы; б) постижения структуры и важнейших составляющих смысла текста; в) поиска реальных (невербальных, какими они и являются, но как-то вербально выраженных) медиаторов смысловой интегративности, связывающих между собой составляющие смысла текста. Вот почему наше исследование ставило задачи: 1) понять структуру смысла (т.е. из каких составляющих складывается смысл); 2) выяснить, как и в каких аспектах осуществляется смысловая интеграция частей текста в единое целое (ведь до недавнего времени считалось, что составляющие смысла текста неаддитивны); 3) открыть принципы такой интеграции.

3. Смысловое содержание и смысловая структура текста

Как показали наши исследования, смысловое содержание (СМС) необходимо отличать от *содержательной формы текста* (из модели Л. Ельмслева). Последнюю интерпретируют также как *смысловую структуру* (СС), понимая как «форму, в которую облачается мысль на известном этапе кодирования» [11. С. 34]. Исследования СС текста были отражены в диссертационных работах О.М. Копыленко (1975), Г.Д. Чистяковой (1975), О.Л. Каменской (1988), в монографиях Ю.А. Сорокина (1985), В.П. Белянина (1988), Т.П. Ивановой и О.П. Брандес (1991), а также в статьях Е.П. Брызгуновой (1979) и Д.А. Егоровой (2004).

СМС текста не ограничено множеством *референциально- и денотативно-смысловых* составляющих. За счет включения в событийный контекст *текст и его высказывания приобретают отношение* не только к *предметной и пространственно-временной*, но также к *социально-исторической, культурной и чувственно-эмоциональной сферам*, представляемым говорящим в аспекте конкретных условий коммуникации.

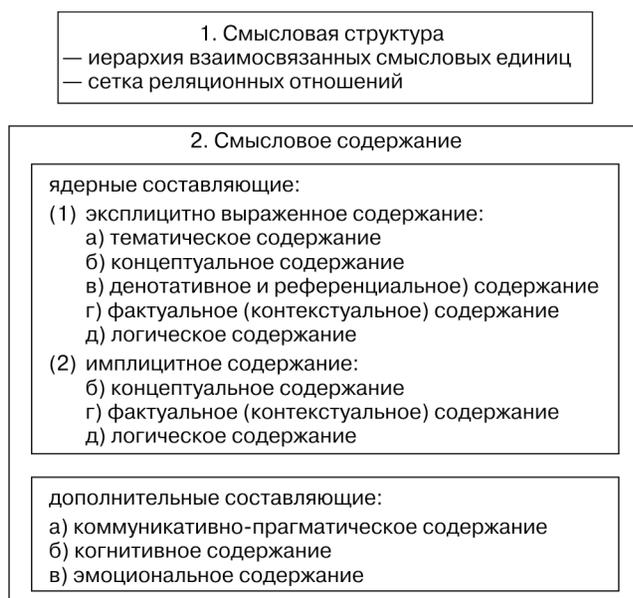

Рис. 1. Важнейшие составляющие смысла текста

МС можно интерпретировать без учета вышеуказанных ядерных составляющих смысла (см. рис. 1), но едва ли можно интерпретировать без учета его *коммуникативно-прагматической, когнитивной и эмотивной* составляющих. В целом множество возможных аспектов смысловой интегративности текста образует единство из базисных и надстроечных составляющих: ее «базис» образован *интегративностью на уровне ядерного смысла*, а «надстройка» — *когнитивной, эмотивной и коммуникативно-прагматической интегративностью* (рис. 2). Текст должен характеризоваться *базисной и надстроечной* интегративностью.

	Надстройка	Когнитивная интегративность	Коммуникативно-прагматическая интегративность	Эмотивная интегративность
Базис		Денотативно-смысловая интегративность	Структурно-смысловая интегративность	Логико-семантическая интегративность

Рис. 2. Система форм смысловой интегративности, обеспечиваемой МС

Итак, необходимо было ввести в рассмотрение *экстралингвистические медиаторы смысловой интегративности*, как *коммуникативные, когнитивные и эмотивные организаторы текста* (Textorganisatoren), опосредующие синтез элементарных смыслов сегментов в смысл текста и обеспечивающие надстроечные (см. рис. 2) составляющие смысловой интегративности. Мы назвали их *мыслями-скрепами (МС)* [15].

4. О сущности МС как медиатора смысловой интегративности

Мысль-скрепа (МС) — конкретная мысль, выражаемая автором или персонажем, которая вводится в смысловую структуру текста (сегмента) неоднократно и итеративно или же однократно, но, тем не менее, прослеживается или может быть восстановлена из подтекста далее, по ходу текста (сегмента), на всем его протяжении и *выполняет функции* коммуникативно-, когнитивно- и эмотивно-смыслового связывания элементарных смыслов его частей в единый ядерный смысл (ЯС) текста (сегмента), помогая организовать последний для эффективного донесения ЯС до адресата. В отличие от других известных медиаторов (квалифицируемых как «средства»), МС — смысловые скрепы, которые нельзя изъять из текста без потери существенной части смысла из-за исчезновения ключевых смысловых связей. МС — единственный из известных медиаторов, который может представлять собой (а) вербально выраженную МС (ВВМС); (б) МС, выраженную в частично в вербальной форме (в научных текстах — в форме таблиц с текстом, лемм, теорем и т.п.); (в) МС, выраженную в невербальной форме (в форме диаграмм, схем, формул, уравнений и т.д.) и (г) МС, выраженную полностью невербально, как мысль (имплицитно).

Даже без доказывания очевидно, что МС отличается от таких «средств», как а) *смысловая вежа*; б) текстовые скрепы, квалифицированные, как условный *логико-смысловый коннектор-скреп* (ЛСКС) (В.Е. Берзон (1980) [3. С. 22—25]) и *текстовый коннектор* (ТК) (Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук (2007) [7. С. 347—362]),

т.к. это вербальные элементы. А тот факт, что вербальная единица, объявляемая «средством» смысловой связности, вербально выражена, вовсе не предполагает, что она может передавать или связывать смысл; в) МС не тождественны тому, что З.И. Хованская (1980) [14. С. 102] и С.А. Мегентесов (1981) [10. С. 9] называли *сквозными идентичными смысловыми образованиями*, создающими своего рода «*содержательный лейтмотив*» текста, т.к. его создают вовсе не МС; г) МС отличаются от *интекста*: интекст представлен легко удаляемыми вербальными вставками, а МС как смысловые скрепы нельзя изъять из текста без потери существенной части смысла из-за исчезновения ключевых смысловых связей; д) *авторское отступление от основного содержания текста* и е) *парентеза*, понимаемая как *сигнал членения текста* (см. дисс. Э.Д. Синенко (1989)), — единицы, предполагающие разрыв в последовательности текста, а не его связывание в единое целое. Отступления и парентезы — элементы, вносящие в текст автосемантию (*Gliederungs signalen*) и тем ослабляющие интегративность. Таким образом, они выполняют функцию, противоположную интегративной функции МС.

5. Заключение

Итак, выполнив анализ известных представлений и опершись на опыт известных лингвистов, мы постулировали ранее неизвестный медиатор смысловой интегративности мысли, обеспечивающий скрепление смысла текста на сублогическом уровне, о котором писал Ю.С. Степанов. В настоящей статье, излагающей содержание первой части исследования, дано общее представление о мысли-скрепе. Вторая часть будет посвящена приемам идентификации вербально выраженных МС в текстах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Акентьева В.Н. Выделение смысловых вех как один из способов управления чтением // Актуальные вопросы контроля в обучении иностранным языкам в средней школе. Сб. науч. трудов / Под ред. В.А. Слободчикова. — М.: Изд. НИИ школ Мин-ва просвещения, 1986. — С. 102—108.
- [2] Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 8. — М.: Прогресс, 1978. — С. 172—207.
- [3] Берзон В.Е. Коннекторы и их роль в организации связного текста // Семантические вопросы микро- и макросинтаксиса. — Хабаровск: Изд-во Хабаровского ун-та, 1980. — С. 18—27.
- [4] Брызгунова Е.П. Смысловое взаимодействие текста // Синтаксис текста. — М.: Наука, 1979. — С. 78—90.
- [5] Газарх Р.С. Коммуникативная композиция текста (опыт системного исследования на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1987.
- [6] Золотова Г.А., Осипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.
- [7] Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. — М.: Языки славянских культур, 2007.
- [8] Комина Н.А. Текстобразующая роль коммуникативной интенции // Содержательные аспекты предложения. — Калинин, 1983. — С. 33—41.
- [9] Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие. — Л.: Просвещение, 1978.

- [10] *Мегентесов С.А.* Импликативные связи как фактор семантической организации текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1981.
- [11] *Москальская О.И.* Семантика текста // ВЯ. — 1981. — № 6. — С. 32—42.
- [12] *Реферовская Е.А.* Лингвистические исследования структуры текста. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983.
- [13] *Степанов Ю.С.* Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка — логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты: Сборник научных трудов. — М.: Наука, 1991. — С. 5—14.
- [14] *Хованская З.И.* Категория связности и смысловое развертывание коммуникации // Лингвостилистические проблемы текста: Труды МГПИИЯ им. М. Тореза. — Вып. 158. — М., 1980. — С. 100—118.
- [15] *Чернышов М.Ю.* Вербально выраженные мысли-скрепы как медиаторы смысловой интегративности текста. — М.: Наука и право, 2010.
- [16] *Chafe W.L.* Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of Plenary Session Papers: XIV Intern. Congress of Linguists. — Berlin, 1987. — P. 88—110.

SENSE INTEGRATION OF THINKING AND SPEECH AND LINKING THOUGHTS AS ITS MEDIATORS

Part I

M. Yu. Chernyshov

Presidium of Irkutsk Scientific Center, SB of RAS
Lermontov Str., Irkutsk, 134, Russia, 664033

The paper discusses known approaches to investigation of text sense integration. An earlier unknown mediator of the sense of thought, which is qualified as the linking thought (LT), is postulated. This mediator provides for text sense integration at the sub-logic level discussed by Yu.S. Stepanov.

Key words: sense integration, the linking thought, speech, the sense of thought, mediator.